

ИРИНА ДЕГТЯРЁВА ИРАНСКАЯ ТУРБУЛЕНТНОСТЬ

Шпионский детектив (СОЮЗ)

Ирина Дегтярева

Иранская турбулентность

«СОЮЗ»

Дегтярева И. В.

Иранская турбулентность / И. В. Дегтярева — «СОЮЗ»,
— (Шпионский детектив (СОЮЗ))

ISBN 978-5-60-539213-2

2017 год. Иран. Со стороны Фардин Фируз выглядел довольно успешным человеком. За тринадцать лет жизни в Тегеране он смог обрести уверенный статус представителя среднего класса, с квартирой в центре города, подержанной машиной и должностью заведующего лабораторией в одном из научных университетов. И никто даже представить себе не мог, что за маской успешного ученого скрывался нелегальный российский разведчик, пытающийся всеми правдами и неправдами получить доступ к секретным лабораторным данным относительно области применения нового способа лечения химических поражений. Фардин был уверен в том, что все это каким-то образом связано с иранской ядерной программой, о которой по поручению Центра он должен был собрать как можно больше информации. Для выполнения задания нужно было проникнуть в секретную секцию института. И хотя Фардин не сомневался в своей осмотрительности, все же его не покидало ощущение того, что среди спокойной и тихой жизни он явно попал в зону турбулентности.

ISBN 978-5-60-539213-2

© Дегтярева И. В.
© СОЮЗ

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	26
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Ирина Дегтярёва

Иранская турбулентность

© Дегтярёва И.В.
© ИП Воробьёв В.А.
© ООО ИД «СОЮЗ»

Глава первая Тихая жизнь в Тегеране

2017 год

Наступала та часть ночи, когда вечерний смог начинал рассеиваться. Оставалось всего несколько часов затишья до рассвета, когда Тегеран загудит десятками тысяч машин, голосов, гудков. Тонкими пронзительными нитями во весь этот гвалт будут вплетены азаны муэдзинов.

Но свежесть, если и наступит, то лишь на севере города, на отрогах Точала, горного хребта, зимой белоснежного, летом – дымчато-серого. Там, за почти крепостными стенами, прячутся виллы с бассейнами.

В низине города скапливается стойкий запах выхлопных газов и неистребимой пыли. Его ненадолго смывают только апрельские дожди. Но до следующих дождей так же далеко, как до возможности переселиться на север города.

Фардин Фируз мог считать себя довольно успешным человеком. За почти тридцать лет жизни в Тегеране он смог из южных районов города перебраться ближе к центру. «Перевалил» через условную линию бедности и обрел уверенный статус среднего класса, с квартирой в шестиэтажке и машиной, пусть это и старенький иранский седан «Пейкан», серый с малиновой полосой под дверцами.

Ночью припарковаться удалось лишь через две улицы от дома. В выключенном моторе что-то пощелкивало и посвистывало. Фардин наклонился к бардачку, но не стал его открывать, пошарил под нагретой пластиковой панелью, двумя пальцами ловко выудил из потайной щели крошечный цифровой диктофон, нагретый, словно все еще велась запись.

Омида пришлось окучивать целый год. Нет, он не имел отношения к вопросам ядерных разработок напрямую. Разве что косвенно... Он был одним из тех ученых, кто занимался созданием способов лечения от химических поражений.

Однако Омид до недавнего времени утверждал, что эти исследования в большей степени необходимы пожарным и сотрудникам химзаводов, а не военным и гражданским жертвам войны.

Но сегодня сработал, наконец, древний как мир способ развязать язык и не менее древний армянский арцах.

Из чего они его гнали – из винограда или из тутовника, Фардин не уточнял, главное, что самогон был крепким и армянин строго соблюдал конспирацию, торгуя запрещенным в Иране алкоголем.

О да, Мовес вел себя осмотрительно, в отличие от курдского торговца, лишившегося уже двух пальцев, по количеству задержаний за незаконную торговлю горячительными напитками...

Фардина волновал не столько способ лечения химических поражений, сколько область применения данных методик и связи Омида с военными. А они есть, эти связи, как убедился сегодня вечером Фардин, трезво фильтруя подогретую арцахом болтовню начальника.

Омид уже около года возглавлял исследовательский отдел Тегеранского медицинского университета. В структуре отдела функционировали шесть секций, и для работы в двух из них требовался специальный допуск.

Фардин взвесил на ладони диктофон, решая дилемму, оставить запись в машине или отнести домой. Старенький седан – не самый привлекательный объект для грабителей и не так

уж часто в их районе обчищают машины, и все же... Но и дома хранить такой компромат – риск еще больший.

Фардин ежедневно, ежечасно держал в уме возможность задержания и обыска. Нельзя давать ни малейшего повода иранским контрразведчикам. Они могут произвести арест и обыск по доносу, по подозрению, но если им в руки попадут вещественные доказательства его разведывательной деятельности, шансы выжить резко упадут до нулевой отметки.

Отправить запись по интернету и тут же уничтожить ее было бы оптимальным вариантом. Но интернет в Иране медленный, ограниченный, а стало быть, находится под строгим контролем спецслужб. Местные научились обходить препоны, но таких умельцев не слишком много, им «разрешают», но и следят за ними наиболее пристально.

Путями, проторенными местной контрразведкой, Фардин не ходил. Он предпочитал более долгие, обходные дороги, через Турцию, Венесуэлу, Сербию... Однако часто выезжать не мог. Отпуск, командировка – вот и все возможности.

Оглядев пустую ночную улицу, Фардин опустил в карман легкого пиджака диктофон. Бросил в рот жевательную резинку, которую ему сегодня утром все-таки продал назойливый мальчишка, бежавший за его машиной полквартала. Она оказалась вишневой, и, как надеялся Фардин, перебила запах арцаха, хотя и выпил-то он немного. Ему не приходилось хитрить – Омид пил за двоих.

Фардин выявил у него эту слабость к алкоголю, когда поехал вместе с ним в командировку в Турцию. Он знал, что многие иранцы ездят в Турцию и в некоторые другие страны именно за выпивкой и проводят отпуска в состоянии регулярного подпития, а то и вовсе в непотребном виде. Омид, как выяснилось, относился к первой категории. Проводил все свободное время, поддерживая легкий градус алкогольной радости...

Заперев дверь в машине на ключ, по старинке, безо всяких электронных штучек и пройдя половину пути до дома, Фардин остановился в тени огромной акации. Отсюда его не могли увидеть те двое с автоматами Калашникова, стоявшие в круге света уличного фонаря рядом с белым джипом «Ниссан».

КСИР [*КСИР – Корпус стражей исламской революции – Здесь и далее примеч. автора*]. Здоровенные бородатые ребята в форме стражей будут приветливы и вежливы лишь до тех пор, пока не учуют запах водки... Хотя они, в общем, по другой части.

Сейчас стражи рыскают по городу в поисках подпольщиков, связанных с заграницей – азербайджаном, Саудовской Аравией, Израилем, Великобританией.

С 2005 года произошло одиннадцать терактов, около двадцати офицеров и рядовых КСИР погибли. Вполне обоснованно, что они усилили патрули, только Фардину это не по душе. Не ночевать же в машине. Бредущий ночью по пустынной улице человек вызовет у стражей интерес.

Документы у Фируза в полном порядке, но запах алкоголя, смешанный с ароматизатором вишневой жвачки, – это уже повод для задержания и позорного телесного наказания плетью или палкой. Но что еще хуже – тюрьма на месяц или два. Фардин знал, тюрьма для него – это критическая точка на графике его существования в Тегеране. Второй раз заключения он не выдержит.

Фардин никогда не забудет ту жуткую ночь 1990 года, когда пришли его арестовывать, выбив хлипкую дверь в квартире дяди Ильфара. Как страшно кричала бабушка. С растрепавшимися седыми волосами она стояла посередине комнаты в ночной рубашке и босая. Фардина повалили на пол, лицом вниз, и все, что он видел – ботинки чужаков и бабушкины ступни, одутловатые, в фиолетовых прожилках, такие нездоровые и натруженные за прожитые годы.

В тот момент в голове жужжал целый рой мыслей, и все они жалили нещадно – он не ожидал столь стремительного развития событий и... провала. Однако, несмотря на страх и

даже панику, молчаливую, не сопровождаемую активной мимикой, он больше всего переживал за бабушку. Фардин проклинал тот миг, когда согласился на уговоры и взял ее с собой в Иран.

Оторвать ее от родного дома в Баку, от могилы мужа казалось кошунством. Им пришлось бросить все вещи. Фардин запретил бабушке брать фотографии, в том числе и старинные, на плотном картоне, оставшиеся с тех времен, когда ее семья жила в Ширазе.

Они были вынуждены оставить в Баку и все документы, кроме советских паспортов, причем паспорт Фардина был слегка подправлен... Взяли лишь небольшой чемоданчик с одеждой и завернутые в бабушкин чулок серебряные ложки и вилки.

И она ведь не хотела ехать... Сначала в Ленкорань, затем пришлось идти через границу, оказавшись вне закона. Ильфар почти сразу приехал за ними на машине, которую одолжил у соседа.

Ложки и вилки – все, что осталось на нынешний день у Фардина из семейного имущества, да пара ковров от дяди Ильфара, сотканных мастерами еще в восемнадцатом веке, и почти такой же древний джанамази [*Джанамази (перс.) – ковер для намаза*] с почти до дыр затертым михрабом [*Михраб – арка, центр которой совпадает с Киблой – направлением на священную Мекку*].

Продав эти ковры, особенно исфаханский, Фардин мог уехать в Европу, скажем, в Париж, прикупить там небольшую квартирку и жить безбедно на проценты от оставшихся денег, положенных в банк.

Ковры сохранились на редкость хорошо, даже серебряные и золотые нити ничуть не потускнели, подчеркивая красоту трилистников и вьюнков растительного узора. Уже и цветы истлели, которыми вдохновлялся древний мастер, да и сам мастер бродит по садам аль-Фирдауса [*Аль-Фирдаус – рай*], тоскуя по своему станку и отполированному до блеска челноку, сделанному из пальмы. А ковры не распались в прах...

Стоять под акацией становилось опасно, углядят его в глубокой тени ксировцы, это вызовет еще большие подозрения, чем если бы он просто прошел мимо них посередине жаркой ночи.

Рубашка липла к телу, хоть и небольшая порция арцаха усиливала жар в лице, по лбу струился пот. Фардин ощупал диктофон через ткань кармана. И, пятясь, вернулся к машине. Присел на капот и закурил «Forvardin».

Он покупал самые дешевые сигареты, по восемь тысяч риалов за пачку. Привык экономить, хотя и зарабатывал довольно неплохо по меркам Тегерана – тринадцать миллионов риалов – около трехсот долларов, больше или меньше, в зависимости от колебаний курса, впрочем, инфляция неумолимо делала эту сумму меньше.

От дешевого табака саднило в горле, и дым разъедал глаза, но Фардин докурил до фильтра, поскольку привык все делать основательно. Он снова коснулся кармана с диктофоном и решительно пошел в противоположную от дома сторону. Сделал солидный крюк и приблизился к своему подъезду с другой стороны, где росло две сосны с сильно обчекрыженными ветками, а у их основания – лохматый куст аморфы, который замаскировал Фардина и позволил ему проскользнуть к ступеням подъезда незамеченным.

Дом напоминал неровно поставленные один на другой кубы со стеклянной передней гранью – просторными балконами с прозрачным ограждением и массивными, на металлических ножках, цветочными ящиками, глубокими, на высоту ограждения. Еще Зиба высадила в ящики базилик и тимьян. От ветерка аромат этих трав заносило в квартиру и навевало мысли о Средиземноморье и средиземноморской кухне. Иногда Фардин общипывал куст тимьяна, чтобы пожарить себе мясо в масле с веточкой, пахнущей то ли хвоей, то ли лимоном.

Перед тем как зайти к себе в квартиру, расположенную на последнем этаже, Фардин, выйдя из лифта, поднялся по узкой лестнице на крышу. Тут стояло несколько шезлонгов и зеленых зонтиков от солнца. Под ногами шуршал белый гравий, рассыпанный по всей поверхности крыши, защищающий верхние этажи от палящего летнего солнца. В дальнем углу за

одним из кирпичей в кладке вокруг вентиляционного шкафа у Фардина был устроен тайник, куда он сейчас и спрятал диктофон. Только избавившись от него, почувствовал себя лучше.

Он прилег на шезлонг, пытаясь увидеть звезды за светящимся облаком из смога и множества огней Тегерана. С этой точки он мог видеть половину города, ниспадавшую черной мантией, усыпанной драгоценными камнями огоньков – рубинами, янтарем, изумрудами и бриллиантами. В Тегеране не жалели электричества на иллюминацию. Даже сейчас на крыше, когда тут никого нет, светились многочисленные лампы подсветки вдоль бордюра, огораживающего край крыши, привлекая летучих мышей. Маяком над остальными огнями горел мутно-красный, словно хмельной, огонь на телевизионной башне.

Чаще Фардин испытывал чувство покоя при виде ночного Тегерана, но иногда ему казалось, что он в замкнутом пространстве, даже здесь, под открытым небом, а Точал давит своим каменным массивным телом высотой в почти четыре тысячи метров. И когда зимой вершину горы припудривало снегом, ощущение темницы не исчезало до конца. Некуда деться и, даже если придется скрываться, перейти на нелегальное положение и попытаться бежать – удастся ли?

Бывало, что такими душными ночами, полными одиночества и липкого страха, он обдумывал план побега. Мысль о возможности скрыться в посольстве государства, на которое он работает, не вызвала облегчения. Скандал облепит всех, как туман над Точалом, полетят головы правых и виноватых, испортятся отношения между Ираном и Россией.

Его бросило в жар при мысли, что в посольство его и не пустят. Он – нелегал, а значит оценивал все риски с этим связанные, когда согласился работать. В крайнем случае могут обменять. Но на кого? Нет же между Ираном и Россией такого активного шпинообмена, как, например, у России с США или Великобританией. Да и просидеть всю оставшуюся жизнь на территории посольства...

Наиболее приемлемым вариантом он считал бегство с помощью курдов в Ирак. Они шастали по горным тропам в Северный Курдистан за контрабандой. Наркотики, алкоголь, оружие. Не зря Фардин поддерживал отношения с одним из них, регулярно покупал у него виски, который, чаще всего, выливал тут же, в ближайшем туалете какого-нибудь кафе, чтобы не тащиться с опасной ношей через весь город. Не зря Фардин хранил две тысячи долларов в потайном кармашке бумажника... Он узнал у курда Джебгера, сколько стоит нанять надежного проводника. Такие расспросы курда нисколько не напрягли, он озвучил сумму, почесывая беспалой рукой курчавую бородку...

Страх никогда не отпускал Фардина, но не мешал ему здраво мыслить. Он своими, порой неожиданными, всплесками адреналина бодрил его, как холодный душ, не позволял расслабляться, когда изо дня в день Фардин проживал тихо, рутинно, предсказуемо. Это убаюкивало, усыпляло бдительность, имитировало жизнь настолько реалистично, что ему порой казалось, что вот она его настоящая и единственная действительность – работа в Медицинском университете, прогулки по парку, тренажерный зал, наргиле-кафе, встречи с сыном на пятничной молитве, изредка командировки, закрытые вечеринки с друзьями, отпуск за границей...

Страх не вызывал панику, он существовал как данность, пожалуй, как насущная необходимость, наподобие сна или еды.

Сейчас, когда он созерцал небо Тегерана, занавешенное кисеей смога, отражающего иллюминацию, словно кривое зеркало, Фардин чувствовал, как адреналин все еще бурлит в крови. Но спустившись в квартиру, он уже испытывал усталость, апатию, обязательно следовавшие за возбуждением. Он ненавидел эти нервные спады, но свыкся с ними, как с неизбежным.

Разувшись и аккуратно поставив ботинки рядышком – носок к носку, задник к заднику, Фардин прошел по ковровой дорожке с изображенной на ней вазой с цветами. Тот самый ковер из Кермана, один из полученных от дяди в наследство. Впрочем, дядя еще жив и отдал ковры,

посчитав, что у племянника они будут сохраннее. Район, где живет Ильфар, расположен на самом юге города, а стало быть, бедный и беспокойный. Ильфар, несмотря на то, что он герой Священной обороны [*Священная оборона или Навязанная война – так называют в Иране ирано-иракскую восьмилетнюю войну 1980–1988гг.*], так и живет в районе торговцев базара.

Его огромный портрет висит на одном из домов в Тегеране, но что-то никто из начальства не стремится улучшить его жилищные условия. Сколько этих ветеранов! Тысячи. Воевали в восьмидесятых и дети, и старики, и женщины в Пасдаране [*Пасдаран – подразделения добровольцев*]. Дядя Ильфар, правда, был кадровым военным.

Из коридора Фардин зашел в большую гостиную с двумя клетчатými диванами и коврами на полах, новыми и одним из дядиных по центру комнаты – из Исфахана. Каждый раз бросив взгляд на ковер, Фардин гадал, каким образом он попал к семье Ильфара, ведь такие шедевры ткацкого искусства дарили иностранным посольствам. Много тайн хранилось в их семье.

Привычно оглядев комнату, Фардин не заметил никаких тревожных изменений.

К нему раз в неделю заходила уборщица Шаиста, немолодая женщина из Афганистана, из Пули-Хумри. Но она, после пары выговоров от привередливого хозяина, не перемещала предметы с места на место, хоть и ворчала по этому поводу: «Я же не птичка, чтобы порхать по комнатам с пылесосом и вытирать пыль, не притрагиваясь ни к чему».

Фардин задернул плотную штору, открыв сперва балконную дверь. Свежести это не прибавило. Пахло в гостиной лимонным ароматизатором и старым ковром. Лучше было включить кондиционер, но Фардин сэкономил. Он заглянул на кухню, зажег три длинные лампы под навесными полками. В голубом холодном свете блестел бок серебристого пятилитрового самовара, стоящего около газовой водонагревательной колонки. Подключенный к газу самовар всегда держал тепло.

Заглянув в холодильник, Фардин достал оттуда приготовленный Шаистой бадемджан [*Бадемджан – овощное рагу с основным ингредиентом – баклажаном. Наподобие баклажанной икры*], который намазал на остатки утренней лепешки – тафтун и с удовольствием умял, запив чаем. Самогон и адреналин разожгли нешуточный аппетит. Он бы сейчас и калепаче [*Калепаче – похлебка из бараньей головы и копыт*] съел за милую душу. Им хорошо было насыщаться в Рамадан на рассвете. Горячий, душистый, с дерзким запахом чеснока, с упругими бараньими щеками и глазами...

Фардин с усилием перешел мысленно к другим баранам, несъедобным и, более того, неудобоваримым во всех отношениях. Начал анализировать сегодняшний разговор с пьяненьким шефом. Натренированная за последние годы память позволяла воспроизвести слова Омида практически дословно.

Заметки о разработках университета по лечению химических поражений выходили в газетах, Фардин тщательным образом их отслеживал, вырезал из газет, распечатывал из интернета и создавал свой архив. Статьи содержали весьма общие сведения, профильтрованные цензурой. Сегодня же Омид заговорил о своем активном сотрудничестве с военными, про доступ в их лаборатории к образцам боевых отравляющих веществ, а главное, он упоминал некоего майора Камрана из МИ [*МИ – Министерство информации, бывшее САВАК (SAVAK) – министерство государственной безопасности Ирана времен правления шаха Пехлеви (1957–1979гг.). Политический сыск, разведка, контрразведка*], который, по-видимому, курирует разработки. Со слов Омида, у него с Камраном наладились почти дружеские отношения. Хотя Фардин был склонен делить бахвальство Омида пополам. Да и не верилось, что сотрудник МИ, человек, соблюдающий секретность, преисполненный своей значимостью, станет приближать к себе кого бы то ни было.

Фардину доводилось наблюдать поведение офицеров МИ со стороны, оказавшись с ними в одной компании. Надменность и неприступность. Они себе цену знают.

Фардин запомнил контрразведчиков МИ образца почти тридцатилетней давности. Тогда было разве что побольше фанатизма и подозрительности. Его держали в камере и били на допросах с большим энтузиазмом и даже азартом, пытаясь добиться признания в том, что он шпион.

Это продолжалось неделю, пока дядя Ильфар бегал по инстанциям с жалобами и воззваниями. Зачастую он брал и бабушку Фардина. Она тогда еще оставалась довольно подвижной, энергичной. Она кричала, рыдала, падала в обморок в приемных, куда приводил ее Ильфар в качестве иллюстрации своих доводов, дескать, профессиональные разведчики не таскают за собой старых и больных бабушек. Да и сам Фардин, как убеждал контрразведчиков Ильфар, просто растерявшийся мальчишка, спасшийся бегством от беспорядков в Азербайджане, после того как погиб его дед. Это не угроза безопасности Ирана, а просто-напросто воссоединение семьи.

Только чудо, а вернее, спрогнозированное в Москве чудо, позволило Фардину Фирузу выкарабкаться тогда. Учитывалось, что Ильфар служит в армии (на тот момент), пользуется уважением – на это делалась основная ставка. И она сыграла.

Но пребывание в тюрьме аукалось Фардину по сей день внезапным страхом, излишней подозрительностью и порой нерешительностью. Он боялся ошибок, ведь они могли повлечь за собой не банальное разочарование, а гибель...

В гостиной Фардин выключил верхний свет, оставив два бра на противоположных стенах и торшер – странное металлическое сооружение, напоминающие аиста в черной шапке-кубанке.

Слабый песочный свет бликовал на выпуклой поверхности аквариума с двумя золотыми рыбками, оставшимися с навруза. Как биолог Фардин знал, что этих рыб нельзя выпускать в местные открытые водоемы. Нет, они не погибнут, золотые рыбки с виду только безобидные. Они заносят в воду вирусы. Разве что в парковых прудах они не настолько опасны.

Рыбками в банках, стаканах, мини-аквариумах украшали праздничный новогодний стол в конце марта. Одну рыбку принес Дильдар – одиннадцатилетний сын Фардина, а другую подарила Симин...

Эта художница Симин с большими, продолговатыми, почти черными глазами, пухлыми губами и довольно крупным носом обладает такой притягательностью! Фардин попал к ней в плен, едва увидел. Похоже, она единственная на той вечеринке у бассейна в доме ее подруги оказалась со «своим» носом, не прооперированным.

Женщины в Иране делились на три категории. Те, кто уже сделал пластику носа, те, кто копил деньги, чтобы сделать, и те, кто не собирался. Симин относится к третьей, самой малочисленной группе. И не понятно – либо ее все устраивает в своей внешности, либо ей безразлично.

Она выглядела так же, как и ее живопись – стихийно.

Напротив дивана в гостиной Фардина висел большой холст Симин с довольно сюрреалистическим изображением быка с раздутыми гневными ноздрями, топчущего окровавленный песок арены.

Свет из окна и балконной двери, дневной, а, в особенности, лунный, делал изображение на картине словно живым, мистическим, завораживающим, воплощением стихии. Правда, у Симин это не разрушительная сила, а созидательная, но неспособная сдерживаться в своих порывах.

Подарила эту символичную картину она вскоре после знакомства. Каким чутьем уловила в тихом, чуть ироничном научном сотруднике его сущность, скрытую глубоко даже от него самого? Он ведь должен искренне верить в свою «тихость и научность».

Симин живет с братом и его женой. Она в разводе, подолгу обитает в Европе – то в Париже, то в Голландии и в Америке, и отчасти поэтому их семья гораздо терпимее относится к

несоблюдению мусульманских традиций. Во всяком случае Симин принимает гостей-мужчин, оставаясь одна дома. К тому же огромная ее двухэтажная квартира совмещает в себе функции жилья и мастерской.

Почти весь второй этаж в пентхаузе занимает студия. Здесь всегда прохладно, в углу у окна такой же, как у Фардина, самовар, только электрический, а не газовый, но он точно так же все время подогревается, домовито, в ожидании гостей.

Сплетен соседей о вольных нравах хозяйки удавалось избежать благодаря тому, что посетители попадали сразу в квартиру – двери лифта открывались в холле пентхауза, и лифт ехал вверх только с разрешения хозяев. Она держала дома даже собаку, небольшого плотного песика, гладкошерстного с хвостиком-крендельком и светлыми бровками на темной морде. Его звали Бобби, и этот шустрый субъект был вне закона в Иране. Гулять с ним нельзя, на машине возить тоже – иначе получишь штраф и пса отберут.

Тегеранцы, тем не менее, собак заводят, выгуливая их втихаря, где никто не увидит. К примеру, за высокими заборами своих вилл. Этим все можно. Даже «нечистых» животных держать...

Поглядев на бычью морду на картине, Фардин вспомнил их с Симин недавнюю встречу, случившуюся два дня назад. Он заехал к ней после работы. Заметил в огромной мастерской небольшую, ему по колено, деревянную скульптуру быка с извитыми острыми рогами, крепким загривком и мосластым задом. Бобби обходил его стороной и поглядывал на быка с великим подозрением. Фардин гладил Бобби, ностальгируя по сибирскому коту, который был у семьи Фирузов в Баку.

В мастерской пахло масляными красками, растворителем, лаком и свежезаваренным чаем, который пил Фардин, развалясь в кресле за спиной Симин. Девушка торопливо дорисовывала картину к выставке в Америке. Она работала то мастихином, то плоской широкой кистью. Черно-белый платок сбился на затылок (она надевала платок при Фардине). Ее волосы почти невозможно задрапировать, слишком пышные. Она стояла у мольберта босиком на светлом паркетном полу – всегда работала босиком.

Растения в огромных вазонах теснились у балконных окон, чуть загораживая свет.

– Америка, Франция, Голландия... Ты так легко порхаешь. Туда-сюда, – Фардин несколько жеманно повел рукой, изображая перемещения Симин. – Саваковцы [*Савакавцы – так сотрудников МИ называют по старой памяти, по названию организации-предшественницы*] еще не вязали тебя на карандаш?

Симин не обернулась, и он не видел выражение ее лица, она лишь пожала плечами. Понимай как хочешь. Фардину не понравился подобный язык тела.

Он поспешил сменить тему, почувствовав, как оледенела спина и онемели руки от страха.

– Скульптура быка твоя работа? – спросил он, стараясь не выдать возникшее волнение. – Я гляжу, анималистическая тема тебе близка. Моего быка ты рисовала с этого?

– Нет, в Испании. Коррида произвела на меня мало того, что неприятное впечатление, но и навела на определенные мысли. Бывает так в жизни, когда нет выбора.

Она умолкла, сосредоточившись на холсте, подвесив в пространстве мастерской недоговоренность. Хотя напряженному Фардину показалось, что все это она говорит как бы поясняя свое неопределенное движение плечами.

«Нет выбора, – мысленно повторил он. – Не про быка же она, в самом деле... Метафора... Хотела признаться? В чем?»

Закралось подозрение, что она такая же художница, как и он ученый – не на все сто процентов. Если ее подослали к нему с заданием втереться в доверие, то он разоблачен. Фардин с трудом сдержался, чтобы не запаниковать. Неторопливо допив чай, он засобирился домой.

– Не стану нарушать твое творческое уединение. К тому же сроки поджимают... – Он выбрался из глубокого кресла и потоптался у нее за спиной.

- Ты мне не мешаешь нисколько. Ты так очаровательно похрапываешь, когда я рисую.
- Вот еще! Пойду домой и там буду похрапывать, – изобразил обиду Фардин.
- Я вернусь через две недели! – крикнула ему вдогонку Симин.

По пути домой Фардин тщательно проверялся. Несколько раз заходил в кафе, смотрел в отражение витрин, нет ли хвоста. А сам, в такт пульсации крови в висках, так и эдак прикидывал, существует ли вероятность того, что Симин ему подставили. Стопроцентно такую вероятность он исключить не смог.

Ее внезапное появление в той компании у бассейна (там были примелькавшиеся лица, новых не допускали, избегая попадания в узкий избранный круг паршивой овцы – стукача). Свобода перемещений Симин по миру. Ее более чем свободные нравы. Все вместе это навело на вполне конкретный след, отчетливый. МИ.

Вряд ли речь о кадровой сотруднице. Все-таки художница. Известная и в самом Иране, и в мире. Скорее, ее сотрудничество с МИ основано на обоюдных услугах. В ее распоряжении неограниченные возможности: в плане выезда за границу, участия во всевозможных выставках, биеннале и конкурсах. Он видел в квартире ее награды и фотографии, в том числе с Венецианской биеннале с девизом «All the world's futures» [*All the world's futures* (англ.) – «Все будущее мира»]. На фото она рядом с чернокожим куратором выставки Эневезором, сияющая своими чудными глазами из-под края платка, в элегантном золотистом расшитом традиционном плаще, скрывающем бедра и... да, в общем, все скрывающем, даром что короткий – до середины бедра.

Что она дает им взамен, если ее в самом деле курируют? Фардин уже не задумывался над тем, добровольно она «помогает» или ее приперли к стенке шантажом, банальным во все времена, но действенным. Вернее поставить вопрос так: что она может им дать? Уровень задач, которые ставят перед ней, зависит от степени доверия к художнице и ее компетенции. Вероятно, примитивные курьерские поручения.

Убедившись в отсутствии наружного наблюдения и успокоившись, Фардин облазил в тот же день всю свою квартиру, пытаясь найти следы тайного вторжения и прослушки, хотя и понимал, что есть способы поставить приборы слухового контроля, которые невозможно обнаружить, к примеру, вмонтировав в стены из квартир соседей. В конце концов, прослушивать можно и с улицы, снимая звуковую информацию с оконных стекол средствами акустической разведки. Но от этой напасти Фардин давно уже обклеил окна защитной пленкой, выполнявшей заодно и функцию фильтра от излишнего ультрафиолета.

Фардин не верил в случайности, однако же пришел к выводу, что Симин все-таки не по его душу. И вывод основывался не только на ощущениях.

В конечном итоге, количество ее поездок за границу привело его к выводу, что она работает на Министерство информации. Это только звучит безобидно. На деле – МИ основной контрразведывательный и разведывательный орган Ирана. Занимается политической разведкой, готовит кадры, в том числе и для нелегальной работы. Вербует агентов по всему миру. Главный принцип подбора иностранных агентов – вера. Только мусульмане. И предпочтение отдается, конечно, шиитам.

Но в случае с Симин – это, вероятнее всего, дезинформация. Ее могут использовать в спецоперациях «nafaq» [*Nafaq* (араб.) – *разлад*]. Она играет в диссидентство, встречается за границей с оппозиционерами-эмигрантами. Тут работа для опытного провокатора. К тому же прощупать анти- или проиранские настроения никогда не бывает лишним.

Затем записи неосмотрительно сказанного оппозиционерами в частной беседе крутили почти на всех канала «Голоса Исламской республики Иран» и давали распечатки в газетах «An-Nahar», «Al-Vefagh», «Jamejam», в англоязычных «Iran Daily» и других. Дискредитация, считай, прошла успешно.

Но если действовать только так, прямолинейно, то Симин и подобным ей агентам влияния хода не будет в группы оппозиции. Поэтому работать наверняка придется аккуратнее, страховаться. Если догадаются, кто стоит за свободомыслящей одаренной художницей, могут просто-напросто ликвидировать. Оппозиция, которую подпитывают США, Израиль и саудиты, без проблем наймет киллера, да и в их оппозиционной среде найдутся лихие парни.

Риск существует и в том, что люди, предавшие Иран и продавшиеся за доллары, могут так же как Фардин догадаться, что большое количество заграничных поездок – это не только «художественная» необходимость, но она поощряется и, возможно, даже спонсируется МИ.

В предыдущую встречу со связным, состоявшуюся почти полгода назад, Фардин сообщил ему, что Иран резко увеличил количество разведчиков, кадровых и агентов, которых включают в делегации, культурные и научные. Люди искусства частенько становятся удобными объектами для разведок. Гастроли – хорошая легенда. Сфера общения – высшее общество, чиновники, бизнесмены.

Для связного это не стало новостью. Об этом трубили контрразведки европейских государств. Иранцев на этом не раз ловили за руку, что, впрочем, их не останавливало. Они продолжали наращивать обороты.

А Фардин узнал об усилении разведки именно на этом «научно-культурном» направлении, когда от их Медицинского университета поехала делегация в Париж на конференцию. Он видел список делегатов. Пятеро из них оказались знакомыми ему людьми, учеными. Имена и фамилии остальных он, конечно, запомнил и сообщил в Центр при первой же возможности, понимая, что установочные данные наверняка фальшивка.

...Фардин проснулся на диване в гостиной в неудобной позе, с закинутой на спинку головой. В темноте мерцал экран телевизора, включенного на спортивном канале IRIB Varzesh. Экран отражался в покато боку аквариума параллелепипедом. Сонные рыбы с тупым выражением на морде и выпученными глазами тыкались в стекло своего жилища.

«Впадать в паранойю я не стану, – Фардин вернулся мыслями к Симин, словно и не прервал его размышления внезапный сон. За два дня улеглось волнение и первое впечатление трансформировалось в шаткий вывод: – Могло же мне показаться? Я спросил, она не ответила...»

Как Фардин себя ни утешал, здравый смысл все же возобладал. Дело ведь не в том, как она пожалала плечами, а в фактах. И одним из таких фактов оставалась свобода ее перемещений по миру. Теперь предстояло понять – будет ли Симин сообщать своему куратору о новом знакомом или уже проинформировала.

По всем правилам должна. Тогда на него обратят внимание, начнут проверять, и чем закончится подобная проверочка, одному Аллаху известно. Если же он внезапно исчезнет с горизонта Симин, это ему не гарантирует отмену проверки. Наоборот, беспочвенный разрыв отношений вызовет подозрения.

Бормоча ругательства по-азербайджански, Фардин выключил телевизор, метнул пульт на кресло и, потирая шею, пошел в спальню, хотя бы остаток ночи провести в горизонтальном положении.

Сон выскользнул, подхваченный сквозняком и усвистал куда-нибудь к Арванд Руд [Арванд Руд – персидское название реки Шатт эль-Араб, пограничной между Ираном и Ираком], где с арабами бился не на жизнь а на смерть дядя Ильфар во время Навязанной войны.

«Как это не вовремя, – Фардин вздыхал и ворочался на матрасе, огромном и холостяцком. – Увлёкся старый дурак, – ругал он себя. Начнут ковыряться в моем прошлом, припомнят и то задержание, и то, что из бывшей советской республики...»

Нет, Фардин был уверен – он не оставлял следов. Контакты со связным лишь на нейтральной территории. Никакой тайниковой связи. Тихая жизнь без попыток кого бы то ни было вербовать. В его обязанности нелегала вербовка не входила. Сбор информации, любой. Предпо-

чтение отдавалось ядерной программе, составу КСИР, МИ – все, что удастся узнать без напора, без давления, в большей степени, самотеком. Если приплывет само в руки, как золотая рыбка. Тут главное правильно занять позицию, понимать, где ходят косяки таких золотых рыбок.

Центр страшился потерять Фардина – слишком много времени было потрачено на подготовку и внедрение, чтобы в одночасье все упустить.

Следов он не оставлял, однако если в его отношении возникнет хоть малейшее подозрение, может последовать арест и тогда уж признание выбьют. Сознается в чем угодно. Фардин не полагался на свою стойкость. Он уже испытал себя на прочность и не питал больших иллюзий. Дядины связи вряд ли помогут снова. Еще и старый Ильфар погорит. Не спасут его заслуги, медали Победы 3-го класса с бронзовыми пальмовыми листьями и Божьей помощи 3-го класса. К двум пальцам, потерянным в бою на Арванд Руд, добавятся еще отрезанные пальцы во время пыток...

Благодаря тактике «тихой жизни» Фардин продержался почти тридцать лет, в отличие от израильских, американских и английских шпионов.

У американцев, англичан и французов есть шанс быть обменными. У моссадовских агентов прямой путь на виселицу. Этим не возвращают. Вешали и тех, кто так или иначе связан с израильскими спецслужбами. Два года – это максимум, который способны продержаться израильские агенты, не будучи разоблаченными. Фардин уже давно побил все мыслимые и немыслимые рекорды. Американцы те и вовсе довольствуются только информацией со спутников и беспилотников.

Некстати случилась Симин, поскольку у Фардина подошло время отпуска, и его будет ждать связной. Каждый день необходимо, пока не состоится контакт, приходить в Caffè de Mokambo на площадь Каstellана. Там толпы народа, официанты не успевают обслуживать и навряд ли запоминают посетителей.

Связной подождет пять дней. Затем через полгода, но уже в Турции, в Стамбульском кафе неподалеку от собора Святой Софии. Если не удастся Фардину приехать, тогда придется оставить парольный знак в Тегеране, чтобы убедить Центр в своем благополучии.

Конечно, такой знак – тоже след, особенно если не выявить вовремя наружное наблюдение. Однако еще в Союзе продумали такую систему постановки знаков, что они не могли вызвать ни малейшего подозрения даже в условиях плотного наблюдения за Фардином.

* * *

В лаборатории пахло морем. В больших квадратных аквариумах, с подсветкой и без, размещенных на стеллажах, колыхалась зеленая масса. Были и бассейны с теми же водорослями, как в Ширазском научно-техническом парке, куда Фардин ездил в командировку.

Одетые в зеленые халаты сотрудники наблюдали за показателями приборов, установленными и в самих аквариумах, и снаружи. В основном выращивали и исследовали спирулину с повышенным содержанием белка, железа и минералов.

Фардину нравились и запахи, и звуки лаборатории. Бульканье пузырьков воздуха в аквариуме. Стеллажи с чистыми колбами, пробирками, мензурками, препаратами. Фируз возглавлял и эту лабораторию и разработки по водорослям. Как и руководство университета он считал это направление чрезвычайно перспективным и в фармацевтике, и в космическом направлении – пищевая добавка для космонавтов.

– Мировой океан, – любил повторять Фардин, – это кладезь питательных элементов – и аптека, и легкие планеты, и салон красоты, и хранилище неистощимых пищевых ресурсов. А водоросли еще не изучены досконально. С появлением новых технологий открывается все больше граней в исследовании свойств различных низших растений. Вот, скажем, спирулина, открытая только в середине прошлого века...

Далее Фардин садился на любимого конька, вызывая зевоту у окружающих.

– До сих пор толком неизвестно, как эта водоросль ухитряется накопить такое количество полезных элементов. Это лишний раз доказывает, что человек происходит от морских млекопитающих, ведь именно использование в рационе водорослей приводит к увеличению продолжительности жизни. Взять, к примеру, японцев...

В лаборатории Фардин становился очень строгим и требовательным. Доктор Фируз в отглаженном зеленом медицинском халате, надетом поверх рубашки без галстука, которые в Иране традиционно не носят, хмурил черные брови над темно-серыми глазами, не повышал голос, но говорил резко, если начинал сердиться на нерасторопных лаборантов.

– Доктор Фируз, вас вызывает доктор Омид, – сообщил секретарь Фардину, заглянув к тому в кабинет, находящийся тут же, в лаборатории, за перегородкой из бледно-зеленых стеклянных блоков.

Омид выглядел усталым, прикрыв дымчатыми квадратными очками мешки под глазами, он пил минеральную воду и грустно икал, источая запах мяты с тонким едва ощутимым духом арцаха.

Даже если кто-то из сотрудников Медицинского университета и учует запах алкоголя, жаловаться не станут. Омиды, может, и накажут, но он не перестанет быть начальником исследовательского отдела с правом «казнить и миловать».

Будто вчера и не пили вместе. Омид даже не предложил присесть. Однако, когда он заговорил, Фардину стало понятно – самогон растопил лед.

– Ты завтра в отпуск? Ну что ж, отдохни недельку. И с новыми силами за дело. У меня на тебя далекоидущие планы и на твою спирулину.

– Она не столько моя... – с замиранием сердца в предвкушении судьбоносных перемен пробормотал Фардин. – Вся лаборатория ею занимается. Я вам давно твержу, уважаемый доктор Омид, за исследованиями свойств спирулины будущее.

– Ну допустим, нет ничего нового в том, что она полезна. Выпускают и в капсулах, и в таблетированном виде, и в порошке... Мне понадобится, чтобы ты отбросил все побочные исследования и сосредоточился на одном, основном, – Омид отпил еще минералки из высокого стакана, снова икнул. – Неплохо будет повторить наши с тобой теплые посиделки.

Фардин кивнул с дружелюбной улыбкой, пригладил бороду, которую, скорее, можно назвать многонедельной щетиной. Бороды носили те, кто постарше, а доктор Фируз молодился. По документам он был взрослее своего подлинного биологического возраста на четыре года. Ему якобы уже исполнилось пятьдесят.

Эта хитрость с подменой даты рождения обуславливалась двумя мотивами. В девятнадцать лет он не мог иметь диплом биологического факультета МГУ, а заодно, чтобы сбить со следа тех, кто попытается проверить его биографию.

Имя подлинное, а с датой путаница. И для легенды это даже лучше. Идеальность – не признак достоверности. Решат, что подчистили хвосты.

– Мне бы не хотелось оставлять другие направления, – Фардин изображал фанатичного ученого, помешанного на теме, которой посвятил жизнь. – Что, урезали финансирование?

– Напротив. Сочли необходимым сконцентрировать силы и не расплыться, – Омид помялся и, понизив голос, добавил: – Не могу всего рассказать, но это до поры до времени. Когда твою кандидатуру утвердят, с тобой будет говорить сотрудник безопасности Камран. Я снабдил тебя превосходными характеристиками, что соответствует истине. Педант, дисциплинированный, талантливый и перспективный ученый, великолепно образованный. Однако Камран дал мне понять, что есть некоторые осложнения. Надеюсь, ты никого не убил? – Омид хохотнул и снова икнул. – В следующий раз лучше виски, – попросил он.

Похолодев, Фардин кивнул.

– Если только подопытную крысу когда жизни лишил, и то не намеренно, без злого умысла, – он улыбнулся и вопросительно взглянул на Омид, не решаясь расспрашивать, что происходит. Он и так догадывался.

– Не могу ничего сказать, – заметил его взгляд Омид. – Меня, знаешь ли, не посвящали в детали. Но, поверь, если с Камраном найдешь общий язык и развеешь его сомнения, то не пожалеешь. И работа что надо будет, и финансово... За секретность, опять же, доплаты... Ну пока преждевременно. Иди-иди, – он достал из-под стола еще бутылку с минеральной водой. – Мне надо пережить сегодняшний день. Сейчас бы шур [*Шур (перс.) – соленое. Маринованные в рассоле овощи*] поесть.

– Да я бы тоже не отказался, – Фардин смущенно потер шею.

Едва Фардин вышел из кабинета шефа, наручные часы издали звуковой сигнал, напоминающая о времени намаза. Многие сотрудники будут молиться, как обычно. Фардин на это время поднимался на крышу, где находилась опытная оранжерея.

Он ходил в мечеть только в джума [*Джума (араб.) – собрание – пятница, пятничная молитва*]. Иногда молился дома, когда тяжело становилось и особенно остро сдавливал тиски казавшийся тесным и душным Тегеран, а Тачал словно бы грозил обрушиться на город, вместе с шикарными особняками с бассейнами и кортами.

На крыше университета находилась и зона рекреации с навесом и скамейками. Сотрудники сами сажали цветы в тяжелые квадратные кадки, и те медово пахли на раскаленной крыше. В оранжерее держали все окна открытыми, но работать внутри было возможно только ранним утром.

Несколько сотрудников, не следовавших так строго правилам и не молившихся по пять раз в день, сидели под навесом. Кто-то читал книгу, кто-то разговаривал или играл в шахматы, благоразумно исключенные великим Аятоллой Хомейни из списка запрещенных азартных игр.

Фардин сел на самую отдаленную от выхода скамью у края навеса, так что солнце попадало ему на лицо. Он зажмурился и выглядел как человек, принимающий солнечные ванны, когда выдался небольшой перерыв в работе.

«За что боролись, на то и напоролись, – вспомнил он любимую поговорку деда. – Как-то все внавалку пошло, – думал Фардин, пытаясь понять как гадалка: что было, что будет, чем сердце успокоится. – Как бы мне самому не „успокоиться“ на веки вечные. Хотел, рвался, чтобы оказаться поближе к одной из засекреченных секций исследовательского отдела. Надеялся, что проболтается пьяный Омид, хоть намекнет. Его обрабатывал долго, рисковал своей шкурой, проводя спецоперацию по закупке арцаха. И... Лучше бы все пошло насмарку, чем такое проявление доброй воли шефа. Немного же ему было надо, чтобы решить мне посодествовать в забеге по карьерной лестнице. – Фардин приоткрыл глаза. После яркого солнца все окружающее казалось темно-серым, черно-белым. – Нет, Омид прагматик. Все не так просто как может показаться. В то время когда я обхаживал шефа, он наблюдал за мной и моей работой, пристально наблюдал. С перепоя решение о моем переходе шеф не принимал. И сделал это не сегодня и даже не вчера, если Камран уже успел изучить мою биографию и понял, что имеются „некоторые осложнения“. Что он мог вкладывать в эту, возможно, фатальную для меня формулировочку? Бегство из Азербайджана? Задержание? Этого достаточно, чтобы отклонить мою кандидатуру и, более того, возобновить проверку, начатую в 91-м. Тогда они отступились благодаря дядиным связям. Сейчас старик уже не имеет былых позиций...»

Фардин встал и прошелся вдоль стеклянной стены оранжереи. «Нет, Омид прагматичный, – снова повторил он про себя. – Он согласился выпить со мной и посидеть у него тогда лишь, когда принял по мне решение. Ответственность у него большая, засекреченные секции занимаются разработками необходимыми, вероятнее всего, для оборонного ведомства. Брать специалистов из симпатии, по благу он не станет. Отвечает головой за результат. Значит им нужны мои наработки, моя голова, и они могут махнуть рукой на мое прошлое. Вопрос состоит

в том, насколько нужен конкретно я и как крепко они готовы закрыть глаза на мои экзерсисы почти тридцатилетней давности? Похоже, моей тихой жизни в Тегеране приходит конец. Наступил момент, назрел, когда я настолько приблизился к пламени, что невозможно не опалить крылышки. Я так стремился на этот теплый свет, обещающий потоки ценной информации, что теперь уже поздно поворачивать. Меня затягивает в водоворот событий, на которые я не могу влиять, задействовано слишком много персонажей. А главное, Камран».

Достав пачку «Farvardin», он подумывал закурить, но здесь это было запрещено.

«Отказаться, значит, вызвать подозрения. Какие основания для отказа? Предложение лестное. С повышением зарплаты. Да и вообще... Это само по себе повышение. Наверняка неограниченные возможности для ученого. Командировки. Кладезь информации. Засекреченной. И подотчетной, – мысленно посетовал Фардин, как медведь, увидевший огромный улей, сочащийся медом, как медведь, который слышит гул от сотен, от тысяч диких пчел, но у которого капает слюна с клыков, и он все же лезет на дерево, надеясь на крепость собственной шкуры. – Выявить источник утечки при хорошей организации секретности, труда не составит... Если бы все зависело только от меня, мне бы удалось держаться в тени», – Фардин покусал губы, пытаясь унять волнение.

Но ведь информация уйдет в Центр, ею наверняка захотят воспользоваться, иначе какой в ней смысл? А когда всплывет осведомленность России в том или ином вопросе, подсвеченном Фардином, включится механизм замедленного действия. Начнется обратный отсчет до момента, когда вычислят крота. И они вычислят. Фардин прожил в Иране почти три десятка лет и успел понять – власть тут контролирует ситуацию. МИ, проросший сосудами, капиллярами во все структуры общества, умело использовал в контрразведывательной работе разработки САВАК [САВАК (SAVAK) – *Министерство государственной безопасности Ирана времен правления шаха Пехлеви (1957–1979гг.). Политический сыск, разведка, контрразведка*].

На базе той, шахской спецслужбы, создали МИ. Многие приемы работы САВАК оно переняло. А САВАК в свою очередь создавали по типу Моссада и ЦРУ. Уж во всяком случае их спецы руку приложили. В шахском МГБ Ирана, как и в тех, зарубежных, спецслужбах, не гнушались калечащими методами допроса, а в комбинации с местным восточным колоритом – это превращалось в адскую смесь. О подобном колорите писал еще Плутарх, отдавая пальму первенства персам в вопросах пыток и мучительных казней.

В Москве Фардина просветили относительно САВАК. Хотя ее и не существовало уже, но «дело ее жило» и процветало. До революции 1979 года САВАК активно сотрудничало с ЦРУ, позволявшим пользоваться своими источниками, чтобы получать разведывательную информацию об СССР. Это во многом связывало по рукам и ногам сотрудников советской легальной резидентуры.

В МИ довольно охотно принимали бывших офицеров из САВАК. Даже возглавил новую службу один из руководителей САВАК, что, в общем, говорило о большой лояльности саваковцев к революции 1979 года.

Фардин вернулся в лабораторию, спрятавшись от мира и проблем за зеленоватыми стеклами аквариумов, словно залег на дно морское, и микроскоп выполнял роль своего рода перископа, через который доктор Фируз предпочитал смотреть не на окружающих, а на предметные стекла, вглубь мира, в котором кипят страсти, сопоставимые с людскими, но они хотя бы не способны причинить Фардину вред. Работа его умиротворяла. Но не сегодня.

Он как школьник на выпускном – детские игры закончились, прощай школа и учителя... Фардин то и дело оглядывал лабораторию с тоской, как в последний раз. Он считал, что из Венесуэлы вряд ли вернется в Иран.

Вернуться – значит, придется получать информацию, рискуя как никогда и нарушив первоначальную установку о «тихой жизни». Пойдет ли Центр на такие кардинальные изменения в тактике его работы? Смешивать долгоиграющий проект стайера, со спринтерской манерой

действий – хапнуть горячие сведения и раствориться в пространстве – подвергнуть опасности не только разведчика, много лет внедрявшегося, обраставшего связями, источниками, но и все его связи. Не говоря уже о родственниках Фардина. У него в Тегеране сын, дядя и двоюродные братья и сестры. Ни у Фардина, ни у его начальства в Центре не возникнет сомнений относительно судьбы этих родственников в случае его провала. А еще есть друзья, знакомые. Всех их начнут допрашивать, вероятно, кто-то лишится работы из-за недоверия. Где гарантия, что шпион Фардин Фируз не использовал их втемную или открыто?

Решение Центра будет зависеть от того, насколько важна для них информация. Но на данном этапе Фардин практически ничего не знал о сути предстоящей работы в секретной секции. Только догадывался. Но главное он все же уловил из разговора с Омидом – будут очень серьезные проверки, они уже идут полным ходом. И есть вопросы у проверяющих. Дай Бог, завтра его выпустят из Ирана, а если и выпустят, не факт, что по прибытии обратно, у трапа самолета Turkish Airlines его не встретят крепкие парни в костюмах, вежливые до дрожи. Они, правда, недолго будут так деликатничать...

«Странно, что Камран не взялся за меня именно теперь, до отъезда в отпуск? Чего он ждет? Зачем оттягивает беседу, тем более, если у него уже „возникли вопросы“, как утверждает Омид? Будь я на его месте, не преминул бы провести предварительную встречу, пощупать исследуемый объект. Тем более, что этот самый объект завтра может сделать ноги, почуввав опасность.

Нет, чем-то задержка обусловлена. Либо Камран ждет ответа на какой-то запрос обо мне, по-видимому, насчет того ареста, либо маринует меня, как шур. Он наверняка понимает, что я осведомлен о предстоящем переводе в засекреченную секцию, не исключено, что Камран сам санкционировал сегодняшнюю „болтливость“ Омиды. Таким образом он хочет заставить меня нервничать и ошибаться. Наверняка уже установлено наблюдение».

И хоть Фардин не сомневался в своей осмотрительности, все же пожегился от собственных выводов. Он явно попал в зону турбулентности. Среди ясной и тихой жизни.

В лабораторию заглянул помощник Омиды – шахин. Встретился взглядом с Фардином и решительно направился к нему.

– Доктор Фируз, – он склонился к самому уху Фардина, что само по себе сигнализировало о нестандартности ситуации. Шахин ниже по рангу и не должен таким образом нарушать почтительную дистанцию. Но Фардин не стал ни взглядом, ни жестом, ни уж тем более словом ставить его на место, услышав, с каким посланием тот пришел:

– Доктор Фируз, вам следует подняться на седьмой этаж, в кабинет семьдесят три. – Он уточнил: – Прямо сейчас. Не стоит заставляя ждать господина Соруша.

– Как зовут господина Соруша? – чуть дрогнувшим голосом уточнил Фардин, догадываясь, каким будет ответ.

Но Шахин смутился и развел руками, бочком выбрался по тесному коридору из аквариумов и скрылся за дверью, на которой был приколот плакатик с героями-мучениками Священной обороны, в том числе и с Мустафой Чамраном, ученым-физиком, бывшим министром обороны.

Фардин подумал было позвонить шефу, чтобы получить разъяснения, но делать этого не стал. Он неплохо успел изучить Омиды, чтобы понимать – шеф лоялен до определенной черты. Да, Фардин вызывает у него симпатию, но полное доверие появится только после отмашки Камрана. А если сейчас донимать Омиды расспросами о вызове в семьдесят третий кабинет, он наверняка ответит сухо или отчужденно. Фардин знает, каким холодным может в одну секунду стать шеф. Как горные цепи Загроса зимой.

Сняв медицинский халат, Фардин осмотрел рабочий стол. Выдвинул верхний ящик, достал из блока сигарет три пачки, рассовал их по карманам. Внимательно осмотрел содержи-

мое ящика, зная, что здесь нет «посторонних» предметов. И все же эта проверка позволила ему собраться с мыслями.

«Сбежать сейчас – бессмыслица. Не паниковать! – урезонил он сам себя. – Если бы соби- рались задержать, вряд ли провернули бы это в университете. Они и дома не задерживают. Чаще хватают на улице и впахивают в микроавтобус с затемненными стеклами. Внезапность позволяет сохранить улики, если они есть в доме. Да и с собой задержанный ничего не успеет сделать... Вздор в голову лезет».

Фардин прошел по коридору до лифта, машинально поздоровался с прошедшими навстречу сотрудниками. Даже перекинулся парой фраз, из которых не помнил ни одного слова, когда оказался перед дверью с цифрами семьдесят три.

Он постучался и зашел. Увидел господина Соруша со спины. Тот стоял у окна, глядя на запруженную машинами улицу и пил чай.

– Вот и вы, доктор Фируз, – не сразу обернулся Соруш. То ли давал Фардину время выйти из обморочного состояния и обрести способность общаться, то ли засмотрелся на вечерний Тегеран.

– Присаживайтесь, уважаемый Фардин. Вы ведь позволите мне вас так называть? – он обернулся и протянул руку, оставив чашку с недопитым чаем на подоконнике. – Меня зовут Камран Соруш.

Среднего роста, с черными выразительными глазами, густыми темно-русскими волосами, с щетиной на впалых, почти бледных щеках. Очень правильные черты лица – тонкий нос, почти пухлые губы. Он наверняка вел свое происхождение не из семьи крестьян, трудившихся под открытым небом на палящем солнце где-нибудь на рисовых полях в северных останях [*Остан – административно-территориальная единица Ирана*] Мазендран и Гилян, на побережье Хазарского моря. Потомки тех крестьян обладали почти черной, продубленной солеными ветрами кожей. Этот же парень, чуть помладше Фардина, явно горожанин. Его легко было представить в Голестане или в Чехель-Сотуне Исфохана, где стены украшены изумительными, утонченными фресками. Вообще, он напоминал Рустама из «Шахнаме», как его изображают на иллюстрациях. Правда не выглядел таким могучим, как великий богатырь.

«Нет на свете равных Рустаму», – припомнил строчку из поэмы Фардин.

Правда в миниатюрах, иллюстрирующих поэму, Рустама изображали рыжебородым. Персидский список «Шахнаме» Фардину показали ленинградские сотрудники КГБ в библиотеке имени Салтыкова-Щедрина. Книгу в кожаном переплете с золотым обрамлением и с отделкой из сафьяна.

Внутренняя дрожь почти прошла. Фируз уставился в глаза красавчика, такие ослепительно яркие, как небо над Деште-Лут. Там бывает до плюс семидесяти градусов, и Фардин начал потеть.

Он порой негодовал на человеческую физиологию. Научившись сохранять невозмутимую мину, повлиять на другие реакции организма не мог. Краснел и потел. Сейчас это, к счастью, оправдывалось обстановкой.

В кабинете у таких как Соруш подобные реакции возникли бы у любого иранца, даже у тех, кто не сталкивался с МИ напрямую, как Фардин.

– Вы – ценный сотрудник – вот в чем загвоздка, доктор.

Он рукой указал на два низких кресла с круглыми сиденьями и высокими резными спинками. Между ними стоял круглый столик, настолько же неуместный здесь, как и кресла. Над этим чайным уголком висел портрет Хомейни, хмуρο взиравшего на Фардина.

Соруш молча налил ему чаю и выглядел как человек, полностью поглощенный этим процессом. Фардин догадывался, какой от него ждут реакции, хотя его так и подмывало взять еще более затяжную паузу, начать смаковать чай, сделав вид, что ничего не слышал. Но он поступил, как надо – испугался.

– Господин Соруш, какая загвоздка? В чем? Я всегда работал на совесть...

– Ни у кого нет сомнений в вашей трудолюбии и компетентности, – перебил Соруш. – Доктор Оmid, надеюсь, сообщил вам, что мы рассматриваем вашу кандидатуру для работы в секретном секторе. Разумеется это влечет за собой ряд проверок. Так вот, в ходе одной из таких проверок всплыла информация...

Очередная пауза «вывела» Фардина из себя:

– Господин Соруш, вас, наверное, ввели в заблуждение относительно меня. Я работаю здесь довольно давно. Меня все устраивает, и я не стремлюсь что-либо менять. Так что, если у вас есть сомнения, не стоит принимать трудное решение. Просто подберите другую кандидатуру.

Соруш лучезарно улыбнулся, но чуть снисходительно.

– Ведь я с этого и начал, доктор. Вы – ценный сотрудник. Нам нужны именно вы, но возникли сложности. Проверки теперь затянутся. И понадобится ваша помощь.

– А если вам все же поискать другого?.. Мне дали понять, что большинство направлений моей работы придется отставить в сторону на неопределенный срок. Сосредоточиться на каком-то одном.

– Полагаю, что у вас нет выбора. Вы ведь патриот? – этим вопросом он, видимо, собирався смягчить свой категоричный тон.

– Разумеется, – ответил Фардин, у него перехватило дыхание, словно Соруш взял его за горло. Но все еще только начиналось. – Возможно, вы знаете о том, что мой дядя...

– Да-да, Ильфар Фируз – уважаемый герой Священной обороны. Только ведь речь о вас, а не о нем.

– Не понимаю, в чем я провинился? – смущенно развел руками Фардин, мол, вот он я весь, как на ладони, перед ясными глазами Соруша.

– Стоит ли лукавить, доктор? Речь идет о вашем незаконном переходе границы с Азербайджаном в девяностом году и о последовавшем аресте.

– И в чем камень преткновения? – Фардин изобразил облегчение. – Ваши коллеги тогда разобрались и отпустили меня. Правда, едва не довели до инфаркта мою старенькую бабушку, с которой мы бежали из Баку. Но отпустили.

– Почему вы бежали оттуда? Вас преследовали? Это было уголовное преследование?

Вот теперь Соруш по-настоящему стиснул воображаемые пальцы на горле Фардина.

– Вы наверняка помните, что происходило в Союзе в конце восьмидесятых? Я не буду излагать вам прописные истины.

– Но ведь вы не армянин, – кивнул Соруш.

– Бандиты, забившие до смерти моего деда, думали иначе. То, что творилось тогда в Баку, я буду вспоминать до конца своей жизни, это приходит в страшных снах. Единственным выходом стало бегство.

– Ну это, по меньшей мере, авантюра, – Соруш пожал плечами. Под тканью серо-стальной рубашки с длинным рукавом стали заметны крепкие мышцы.

Саваковец достал сигареты «Bahman», одни из самых дорогих, и вальяжно закурил, предложив сигарету и собеседнику. В здании курить не разрешалось, и Фардин отказался, хотя в другой ситуации с удовольствием бы закурил. «Bahman» он себе позволить не мог – каждый день выкладывать по четырнадцать тысяч риалов за пачку.

– Вы ведь могли уехать в любую другую союзную республику.

– Кроме дяди Ильфара у меня нет родственников. Да и ведь я перс, чистокровный и всегда хотел побывать на родине предков... Когда ночью к бабушке ворвались головорезы, забрали все что было ценного – серебряные ложки, украшения и даже ковер, еще Тебризский – это было последней каплей. Я узнал от знакомых азербайджанцев, у кого родственники жили в Тебризе или Ардебиле, что они шастают через границу. Срезали колючую проволоку и снесли

заграждения. Я понимал, что долго это не продлится, и принял единственно правильное решение. У нас с бабушкой и вещей-то не было. Только документы и мой университетский диплом, – он замолчал.

Опустив голову, Соруш задумчиво курил.

– Вот собственно и все, – подытожил Фардин. – Если возвращение на родину считать правонарушением, тогда, конечно. Я даже не в обиде на тех ваших коллег, которые меня арестовали. В итоге ведь разобрались по совести.

– В отпуск собираетесь? – неожиданно спросил Соруш.

– Полгода деньги копил, – охотно ответил Фардин. – Билеты дорогие.

– А почему Венесуэла? – Соруш встал, дав понять, что беседа подошла к концу.

– Так без визы же туда можно.

Соруш взял со стола листок чистой бумаги и положил перед Фардином на столик, отодвинув чашку в сторону.

– Не сочтите за труд! Напишите, куда конкретно направляетесь. Будете только в Каракасе или планируете посетить и другие города? Название гостиницы... – Он заметил внутреннюю борьбу, отобразившуюся на лице доктора Фируза, и добавил: – Надо, уважаемый Фардин. Считайте это производственной необходимостью. Вы ведь не впервые едете в Латинскую Америку?

– Ну да, – чуть замешкался с ответом Фардин. – В позапрошлом году в Эквадоре побывал.

– Охота вам в такую жару ехать?

– В Каракасе летом не так уж и жарко, дожди. К тому же, Карибское море. Мне понравился Кито с цветными старинными двухэтажными домиками. Немного напоминает Тегеран, наверное, из-за гор, которые его окружают. Но в Тегеране гораздо жарче.

– И все-таки, долгий перелет, разница во времени. Шесть часов?

– Восемь, – уточнил Фардин, не понимая, к чему клонит Соруш. Но догадка уже мелькнула. – Хочется посмотреть мир.

Больше вопросов не последовало. Соруш вернулся к подоконнику и допивал остывший чай, дожидаясь, когда доктор допишет маршрут по Венесуэле, впрочем, ограниченный только Каракасом.

Фируз указал отель «Тибурон». По своему достатку Фардин мог себе позволить только двухзвездную гостиницу.

В этот момент Фардин думал лишь о том, отпустит ли его так просто Соруш или играет с ним, как кот с мышью. Делает вид, что отпускает, чтобы развлечься, вселив надежду в жертву, затем схватит мертвой хваткой и будет наблюдать, как гаснет в глазах добычи эта самая надежда и жизнь.

У Фардина сложилось четкое ощущение, что Камран Соруш не поверил ни одному слову, сказанному в этом кабинете. И была бы ему грош цена, если бы он страдал доверчивостью.

В начале разговора Соруш излучал уверенность – у него очевидно сформировалось какое-то решение по Фардину. Но что-то в разговоре пошло не так, как ожидал Соруш, и он явно изменил первоначальные планы. Выглядел отрешенным, словно потерял интерес к доктору Фирузу, потевшему, красневшему, робевшему перед контрразведчиком. Фардин описывал маршрут аккуратным, почти каллиграфическим почерком, творя, как известный каллиграф Мир Эмад Хассани.

Когда Фардин дописал и протянул листок хозяину кабинета, тот вдруг спросил:

– А почему вы развелись, доктор?

Фардин понял, что нужно проявить характер.

– Господин Соруш, мне кажется, моя личная жизнь не имеет отношения к работе и уж тем более к назначению на должность, которая меня не слишком-то интересует.

– Это неправильный ответ, – покачал головой Соруш, опустив глаза на листок бумаги, исписанный слишком аккуратно, как может писать только человек с хорошим самооблада-

нием.— В нашем обществе неотделима моральная составляющая от деловых качеств. Но в вашем случае это был сигэ [*Сигэ (перс.) – у шиитов временный брак*]?

Фардин непроизвольно оглянулся на дверь, словно бы загнанный в угол.

– Да, временный брак. Она сама не захотела его продлевать. Я не мог в тот момент предложить ей большее. Мы заключили сигэ по ее просьбе. Она вдова с дочерью от первого мужа.

– Но у вас ведь совместный сын.

Соруш не только демонстрировал осведомленность, но и прозрачно намекал, что после отъезда Фардина в отпуск, в Тегеране остаются его родные. МИ не просто о них знает, но и приглядывает за ними. Наверняка, если бы доктор Фируз собрался в отпуск с сыном, нашлись бы веские причины, чтобы запретить ему выезд.

Фардина подмывало сказать, что он подумывает захватить с собой сына в Венесуэлу, но сдержал авантюрный порыв. Слишком большие ставки.

– Я содержу сына как и положено по закону, – он решился сообщить лишь об этом, и сказанное прозвучало оправданием.

– Когда вы вернетесь, – Соруш протянул руку на прощание, – мы с вами поговорим снова. И, я надеюсь, вы сможете сосредоточиться на научной деятельности, а я не буду тревожить вас своими проверками. Полагаю, ни нам, ни вам нет оснований беспокоиться по поводу проверок?

Промолчав, Фардин кивнул и, пятясь, двинулся к двери, заметив в углу кабинета аккуратно свернутый в рулончик джанамази.

«Набожная сволочь!» – подумал он ожесточенно. Только на этот всплеск эмоций у Фардина и хватило сил.

Он дошел до ближайшего туалета. К счастью, внутри никого не оказалось. За приоткрытыми дверцами кабинок виднелись напольные чаши, заменявшие в Иране унитазаы. Фардин взглянул на них мельком, борясь с тошнотой, опершись о раковину, он пытался собраться с мыслями и проанализировать разговор.

«Выезд в Венесуэлу не вызвал возражений у Камрана по вполне понятным причинам, – Фардин кивнул своему отражению в зеркале и начал умываться, бросая пригоршни теплой воды в лицо, стараясь смыть испуг. – В Латинской Америке активно работают иранские спецслужбы».

Об этом Фардин знал из информации, которую дал почитать ему связной в их предыдущую встречу... Шла речь о Чили, Аргентине, Парагвае, Венесуэле. В Южной Америке, исторически революционно и радикально ориентированной, благодатная почва для исламских радикалов. Широкая агентурная сеть, нацеленная против Соединенных Штатов.

Эту информацию Центр переслал ему с определенной целью – если будет возможность познакомиться с людьми, связанными с Латинской Америкой. Поэтому выбрали для проведения контакта этот регион, чтобы при знакомстве у Фардина был хотя бы банальный повод сблизиться, дескать: «а я там был...».

Но Центр в информации упомянул также двух советских нелегалов... Связной недоумевал, зачем тащить на встречу эту опасную бумаженцию, которую, как казалось связному, можно довести до нелегала и устно. Однако сеньор Лопес и сеньора Герреро, вдова, выдававшая себя за сестру Лопеса, упомянутые в информации ни к селу, ни к городу, оказались там не случайно.

Это стало продолжением разговора, состоявшегося в Москве почти тридцать лет назад. Тогдашний куратор, полковник Фролов, сообщил восемнадцатилетнему Фардину две фамилии – Лопес и Герреро – псевдонимы его отца и матери, которых юноша не помнил.

Фролов из их засекреченной папки смог извлечь только сведения о пропаже семейной пары разведчиков-нелегалов. Они перестали выходить на связь в 1986 году. Из-за того, что их подозревали в предательстве, возникли сомнения, стоит ли продолжать подготовку Фардина к нелегальной работе, но все-таки доверие к деду Фардина пересилило все сомнения.

Уже тогда Фардин понимал, что в 1986 году проводились активные поисковые мероприятия, но о результатах ему сообщили только в прошлом году в ресторанчике «Дон Джимми» в Кито, помеси советской столовки и американского фастфуда, с металлическими столиками и скамьями, с разномастной посудой и местной простой и сытной, но не слишком аппетитной на вид едой – пищей простых эквадорцев с рабочих окраин.

Вложив листок в газету, связной передал ее Фардину, и тот сосредоточенно читал, облокотившись о липкую металлическую столешницу.

Эзоповым языком преемник Фролова сообщал, что поисковые мероприятия не дали результатов. По косвенным признакам с большой долей вероятности речь идет не о предательстве. Либо несчастный случай, либо разоблачение и арест. Поскольку не предложили властям СССР обмен нелегалов, возможно, их посадили или даже казнили. Фардина подводили к мысли, что родителей нет в живых.

Воспитывали Фардина дед и бабушка. И дед развернул бурную деятельность, с детства подготавливая себе смену. А Фараз Фируз был успешным разведчиком, завербованным советскими спецслужбами еще до Второй Мировой. Дед называл так Великую Отечественную войну по привычке. Он всегда чувствовал себя иностранцем, говорил по-русски с сильным акцентом, при этом большего патриота Фардин не встречал в своей жизни. Причем любовь к СССР не мешала ему испытывать болезненную тоску по Ирану...

Фардин еще раз энергично умылся, заметив краем глаза, что в туалет зашел кто-то из сотрудников лаборатории.

«Он довольно легко отпускает меня в Венесуэлу, – продолжил размышлять. Фардин, выйдя в коридор и почувствовав, как от сквозняка сушит капли воды на лице. Он неторопливо двинулся к лифту. – Если я не ошибаюсь и Камран не питает иллюзий на мой счет, то в Венесуэле меня встретят и будут приглядывать за моими перемещениями по Каракасу. Удастся ли встретиться со связным? Камран уверен, что я не скроюсь от его всевидящего ока. Ну это мы еще посмотрим».

Фардин остановился у двери лаборатории.

«Может, у меня паранойя? Профессиональный психоз? В каждом столбе видеть контрразведчика, а в случайностях – подстроенные противниками закономерности. Подстроили и перевод в секретную секцию, как повод для тщательной проверки. А нужен ли им повод или он создан для меня, чтобы войти со мной в прямой контакт, имея надежную легенду? И наконец, встреча с Симин. Все это вместе пахнет дурно. Обложили? Я вроде не давал никакого повода. Слабое звено только давний нелегальный переход границы. Нет, этого все-таки недостаточно для серьезного обвинения в шпионаже.

Подозрение. Лишь подозрение, требующее подтверждения. В эту теорию вписывается мой отпуск „на поводке“. Их порадовал мой выбор – Венесуэла. Если судить по информации, даже арабы-шииты из тамошней иракской диаспоры действуют в Латинской Америке в интересах Ирана. А они уже занимают и политические посты и оккупировали бизнес. Значит, есть и финансовые возможности. Следить могут не профи-разведчики, а, скажем, банальный сыщик из частного детективного агентства или охранной фирмы. Им и знать ни к чему, зачем следят за каким-то там иранцем».

Фардин неохотно вернулся на рабочее место, расстроено думая, что и Симин хорошо укладывается в историю с проверкой. На «медовую ловушку» это, в общем, не тянет, хотя Камран и иже с ним способны импровизировать.

Накрутив себя такими предположениями, Фардин ушел пораньше домой, передав бразды правления лабораторией своему заму. Ехал по городу, невольно проверяясь, хотя не собирался в случае обнаружения наблюдения уходить от слежки, и понимая той частью мозга, которую не поглотила паника, что нет причин следить за ним именно сейчас.

В Иране слишком сложно осуществлять конспиративные встречи с нелегальным разведчиком или агентом. И МИ это знает.

Думая о том, что его наверняка ждет смертная казнь после мучительных пыток – ему не светит обмен, Фардин машинально притормозил около голосовавшего на обочине пожилого мужчины, явно не тегеранца. Скорее всего, крестьянин из провинции, ошалевший от темпа города.

Сперва Фардин рассердился на себя. «Нельзя действовать на автомате», – подумал он, подавшись вбок и распахнув дверцу перед стариком.

– Да пребудет с тобой мир и милость Аллаха, и его благословение! – старик поправил на плече объемную и тяжелую по виду сумку. – До автовокзала. К терминалу «Бейхаги», – в его руке, покрытой пигментными пятнами, покачивались истертые деревянные четки.

– Садитесь, садитесь, – поторопил Фардин, прикинув, что человек с нечистой совестью или впавший в панику не станет подвозить попутчика, как делает это обычно. Если следят, убедятся в хладнокровии объекта слежки.

Он довез старика до площади Аржантин, до терминала, от которого шли рейсовые автобусы до Тебриза, Исфахана и Решта. Согласно таароф он начал отказываться от платы за проезд. Но старик, зная правила вежливости, предложил еще пару раз, пока Фардин не взял деньги.

Он посмотрел вслед крестьянину, спешившему домой из шумного Тегерана. Фардин и сам с удовольствием сел бы сейчас в автобус и уехал бы в Исфахан, посидел бы на берегу Заянде. А то и забрался бы в ее зеленоватые воды, лег бы на спину и его бы увлекло под арочными мостами все дальше и дальше, до Гавхуни, где он лежал бы на поверхности озера, и соль от палящего солнца запекалась бы на губах...

Маневрируя между мопедами и автомобилями, Фардин даже ощутил запах тины болотистого озера, словно наполнивший салон «Пейкана» и вытеснивший запах гари, бензина и уличной еды.

Глава вторая

Венесуэльское хоропо

[Хоропо – национальный венесуэльский танец]

Фардин стоял около лотка с фруктами, пытаясь разглядеть улицу в пыльной витрине позади смуглого продавца в шлепанцах на босу ногу. Продавец скалил белоснежные зубы и пытался говорить по-английски. Изнутри к стеклу витрины был приклеен выцветший плакат с Уго Чавесом. Покойный президент смотрел с укором за спину Фардина на следившего за ним мужчину в кепке и солнцезащитных очках.

Вчера был другой, в соломенной драной шляпе. Сомнительная маскировка и всего по одному наблюдателю, без подстраховки, подтверждали гипотезу Фардина о том, что, если за ним и станут приглядывать в Венесуэле, то задействуют местную наемную силу. Значит, не возлагают на слежку большие надежды. Однако она была навязчивой, началась еще в аэропорту Симона Боливера и продолжалась вторые сутки.

Несколько раз, гуляя по городу, смущаясь от непривычного вида полураздетых женщин, Фардин проходил мимо кафе, где ему назначили встречу со связным.

Впереди еще несколько дней отпуска, и он рассчитывал, что либо топтун устанет, да и убедится в безобидности объекта, либо связной, увидев блуждающего по улице Фардина с бесплатным и назойливым приложением, проявит инициативу и найдет возможность предложить вариант и обоюдодобные безопасные условия для осуществления контакта.

Наконец, Фардин решился и зашел внутрь *Caffe de Mokambo* на площади Каstellана. Не глядя по сторонам, он заказал сок из маракужи и уселся на барный стул около окна и деревянной кадки с пальмой.

Над столом покачивалась от сквозняка медная лампа, отражающая свет из больших, до пола, окон. Над стеклянной витриной с тортами висел ряд черных досок с меню, исписанных разноцветными мелками, а еще выше, на своеобразной галерее, стояли в красных деревянных шкафах батареи бутылок.

Фардин взял еще сырный бургер, выяснив у продавца, что бургер без свинины. Стоил он недешево – говядину в Венесуэлу возят из Бразилии.

Перед тем как зайти в кафе, Фардин купил пачку сигарет за двадцать боливаров. И теперь прикидывал, сколько это в пересчете на риалы. Получалось почти восемьдесят пять тысяч. За эти деньги он мог купить в Тегеране восемь пачек дешевых «Zica» и осознание этого его нервировало.

Связной выглядел как рядовой латиноамериканец. Невысокий, худощавый, смуглый, кареглазый. В темно-синей джинсовой рубашке с коротким рукавом и серых мятых брюках, с барсеткой под мышкой. Поигрывал ключами от машины. Казалось, что он либо таксист, либо водитель персональной машины и возит какого-нибудь бизнесмена средней руки. Звали его Антонио, именно он встречался с Фардином год назад в Эквадоре и передавал информацию о родителях Фируза, вернее то, что никакой информации нет. Ни слуху, ни духу...

Антонио зашел в кафе, лениво скользнул взглядом по витрине, табличкам с меню и посетителям. Заказал что-то и с подносом двинул в направлении столика Фардина. Но иранец скомкал салфетку и с недовольным лицом слез с барного стула. Он не рискнул обменяться с Антонио даже парой слов.

Очевидно, что у иранца проблемы. И эта «проблема» в кепке, поворотив кучу мусора на обочине дороги, двинула следом за Фардином вдоль сквера со старыми деревьями, растущими прямо напротив кафе «Де Мокамбо», где сидел Антонио.

«Вот пусть теперь мозгует, как избавить меня от хвоста», – не без злорадства подумал Фардин и направился в музей «Коллекция птиц Венесуэлы» Вильяма Фелпса, чтобы получить удовольствие и заставить страдать наблюдателя.

В музее было тоскливо и душно, но не для Фардина. Он с воодушевлением рассматривал тушки птиц, лежащие в ящиках, с бирками на скрюченных смертью тонких лапках. Тушки пучеглазо смотрели в пространство белыми восковыми пробками вместо глаз. Вдоль стен тянулись металлические стеллажи, уставленные банками, в которых плавали препараты, вызывавшие тошноту у тащившегося следом хвоста. Он наверняка был проинструктирован нанимателями, что особенно в музеях надо держать ухо остро и не упустить ни одного движения объекта. Любят встречаться разведчики со связными в культурных учреждениях.

Трупки попугаев ара лежали в ящиках навтыжку, как павшие в неравном бою с пытливыми орнитологами гренадеры в красных мундирах. Ящики с птицами выдвигались из металлических боксов, занимавших стены от пола до потолка и напоминавших морг. Здесь хранились и гнезда в пластиковых коробках. Эта частная коллекция конца девятнадцатого века считалась одной из лучших и ценных в мире. Фардин фотографировал все, в надежде похвастаться перед коллегами в Тегеране.

Когда самолет Тегеран – Каракас взлетел, Фардину начало казаться, что не все так уж критично, а уж тем более – не фатально.

А убедившись, что за ним следит не профи, он понадеялся на положительный исход. Значит Камран проверяет профформы ради. На дурачка. Вдруг недалекий доктор Фардин победит на встречу, скажем, с американцами. Если Камран в чем-то и станет подозревать, только в том, что Фардин чей-нибудь агент, но никак не офицер нелегальной разведки.

В прошлый раз Антонио сообщил, что Фардину, уехавшему из СССР лейтенантом, присвоили звание полковника. Это ему польстило, но помнил Фардин про свой статус недолго. Воинское звание никак не овеществлялось, а вот доктором он себя ощущал. Вот и сейчас, в музее, быстро нашел общий язык с испаноговорящими сотрудниками, обслуживающими коллекцию. Он знал латынь. На смеси английского и мертвого языка расспрашивал и выражал глубокое почтение ученым коллегам-подвижникам.

Уже вечером к Фардину в номер зашел портье, слегка смущенный.

– Сеньор, принес для вас книгу. – Он протянул завернутый в серую оберточную бумагу твердый сверток.

Фардин в самом деле заходил сегодня в книжный магазин и хотел купить латинско-английский словарь, но пожалел денег. Сейчас он смекнул, что не стоит отнекиваться, и забрал увесистую книгу. Пришлось давать чаевые.

Фардин не сомневался, видеоаппаратуру в номер не устанавливали. Он тщательно проверял. Поэтому, не таясь, развернул сверток. Покрутил в руках книгу на испанском. Какой-то любовный роман.

Записку он отыскал под обложкой, и через минуту сжег ее, с трудом разобрав смутно знакомый почерк на английском.

* * *

Утром из номера иранца позвонили администратору гостиницы. Тот выслушал и пообещал:

– Хорошо, сеньор. Я сейчас же вызову вам доктора.

– Чего там? – спросил скучающий помощник портье. – Тот самый жадный араб?

– Он иранец, – улыбнулся администратор-креол, отыскивая в толстом телефонном справочнике номер доктора, которого обычно вызывал постояльцам, чаще всего, когда те страдали от похмелья. – Похоже, у него малярия. «Везунчик».

– Еще не хватало заболеть, – поежился помощник и, поглядев на нишу, где стояла фигурка Девы Марии, перекрестился. – У меня была в прошлом году.

– А я тебе говорил, не переливай цветы. Разведутся комары.

Через час прибыл медлительный, сонный седой доктор Пенья. Ему хватило одного взгляда на иностранца, сидящего на кровати, закутавшись в одеяло, чтобы понять, что у того малярия.

– Озноб? Тошнота?

– Да, – кивнул иностранец. – И голова раскалывается.

– Рвало? – доктор Пенья знаком предложил пациенту лечь и попытался нащупать селезенку, а затем и печень.

– Пока нет.

Доктору Пенье не показалось, что селезенка увеличена, однако он не придал этому значения.

– Сколько дней вы в Каракасе?

– Три.

Врач поправил очки задумчиво, покопался в спортивной сумке, с которой пришел, и достал лекарство «Malarone».

– У вас в стране малярия есть? – уточнил он. – Чтобы проявились симптомы, должно пройти десять-пятнадцать дней после укуса малярийного комара. Возможно, вы заразились еще на родине. Хотя бывает иногда и раньше. Но не через три дня.

– У меня малярия? – иностранца била крупная дрожь.

– Пропьете «Маларон» четыре дня по четыре таблетки и поправитесь, – утешил доктор Пенья. – Кровь сдавать не имеет смысла. Плазмодии она покажет, когда их будет слишком много. Советую не выпивать пока лечитесь.

– Вообще-то я мусульманин, – возмутился иностранец.

– Не вижу противоречий, – пожал плечами доктор. – Имейте в виду, алкоголь снижает действие препарата. Вот счет за мой визит.

Вместе с блистером лекарства он протянул написанный от руки квиток, чем еще больше расстроил больного иностранца.

– Можно выходить на улицу? – закашлявшись, пациент протянул деньги доктору.

– Все зависит от вашего самочувствия. А выходить, конечно, можно.

Больной поежился и осмотрительно заключил:

– Вряд ли захочется.

– Ну как он там, доктор? – поинтересовался портье, когда врач вернулся от пациента.

– *Plasmodium falciparum* [*Plasmodium falciparum* (лат.) – вид простейших паразитов, вызывающих малярию у людей], – доктор обвел взглядом холл. На диванчике у кадки с фикусом сидел парень в синей кепке и читал газету. – Поаккуратнее поливайте, – посоветовал доктор Пенья. – Следите, чтобы в поддонах вода не скапливалась. Хотя заразился он, по-видимому, еще на родине. Откуда он там родом? Из Ирака или Марокко? Эти арабы все на одно лицо.

– Он из Ирана, – уточнил портье. – Может, там тоже арабы живут?

– Иранцы – персы, – пояснил более образованный доктор. – В любом случае, кем бы он ни был, дня на три-четыре выйдет из строя. Лежит с температурой.

Словно в подтверждение его слов больной постоялец позвонил на ресепшн и попросил его не беспокоить до ужина.

– Горничных, видите ли, к нему не посылайте, – с ухмылкой проворчал портье, повесив телефонную трубку на аппарат. – Да Лурдиту лишний раз и не заставишь по номерам с тряпкой пройтись. У нее теперь праздник...

* * *

Фардин хорошо ориентировался в незнакомой обстановке. Без труда нашел нужный девятиэтажный дом в тихом районе Каракаса с небольшим садом, разбитым полукругом около выхода. К подъезду вел широкий пандус, обрамленный бетонными бордюрами, с которых свисали легковесные ветви аспарагусов и колючие щупальца алоэ. Тут же на бордюре стояли несколько жестяных банок из-под сухого молока. Местные видимо использовали их вместо леек.

Впервые Фардин чувствовал себя свободным в Каракасе. В спину не дышал наблюдатель. Он так и остался сидеть в вестибюле гостиницы, когда Фардин вышел из номера, воспользовавшись служебным выходом.

Чем хорош был этот двухзвездный отель – никакой охраны, камер видеонаблюдения... Ленивый, но приветливый персонал, который мог вежливо поздороваться, но вряд ли напоминал постояльцев в лицо.

Все же Фардин надел очки с простыми стеклами, черную кепку и стал практически неузнаваем, сливаясь с местными благодаря смуглой коже и счастливому для разведчика свойству – он обладал неброской, незапоминающейся внешностью. Разве что темно-серые глаза – не такая уж редкость для перса, но все же слишком яркие для южанина.

Он позвонил по домофону, с удивлением не встретив по дороге никаких жильцов дома – ни детей, ни мамаш с колясками.

– Мне необходим сеньор Варгас.

Именно так – «необходим» было написано в инструкции, полученной Фардином в книге.

– Седьмой этаж, квартира двадцать три, из лифта направо, – отозвался знакомый мужской голос.

– А меня предупреждали, что налево, – согласно инструкции «засомневался» Фардин, ломая голову, кто же ожидает его на конспиративной квартире.

– Простите. Все правильно, налево. Поднимайтесь.

Пискнуло запирающее устройство.

Пустой холл без почтовых ящиков, чистота, зелено-белая «шахматная» плитка на полу – все это навело на мысль, что здание используют под офисы.

Фардин и в самом деле свернул налево, выйдя из лифта. В конце коридора во всю стену окно, приковывающее взгляд – холм с разноцветными типичными для Латинской Америки домиками, укрытыми тенью тропических деревьев с сочно зелеными кронами. Окно выглядело глянцевой открыткой.

– Фардин, дорогой, – негромко по-английски окликнули его со спины. Голос с хрипотцой, довольно низкий и очень знакомый, но подзабытый с 1994 года.

Обернувшись, Фардин увидел Алексеева.

– Митя, – чуть севшим от волнения голосом сказал он.

Алексеев энергичным жестом пригласил его зайти и обнял, когда уже захлопнулась дверь квартиры.

– Вот уж не ожидал тебя увидеть! – по-русски заговорил Фардин. Он и в СССР говорил с заметным акцентом (дед заставлял дома общаться только на фарси, иногда по-азербайджански). Но акцент усилился. Теперь Фардин и думал на персидском. – Ничего, что я тебя так зову по старой памяти? – смутился он, разглядев Алексеева в теплом желтоватом освещении от бра в глухом коридоре. Вдалеке белоснежным слепящим прямоугольником виднелся дверной проем.

От лейтенанта КГБ, с которым Фардин познакомился еще в 1988 году, осталось прежнее выражение голубых глаз, задумчивое и словно бы чуть испуганное, четко очерченный под-

бородок, ставший вроде квадратнее, седые волосы маскировались под светлые, остриженные очень коротко. Ничего юношеского. Сухой, худой, высокий, строгий.

– Брось, Фара! Пошли в комнату, у нас не так много времени, а разговор долгий. Как я понимаю, у тебя возникли осложнения в Тегеране.

– Да как посмотреть, – потер шею Фардин. Он понял, что приезд самого, бывшего уже, куратора не знак особого расположения, а новые проблемы на тихом и безоблачном до того горизонте его тегеранского мирка.

В темпе джайва [*Джайв – один из самых быстрых латиноамериканских танцев*] рассказывая о своих перипетиях, Фардин не мог сосредоточиться. Он думал, что Алексеев, прикрепленный к Фардину во время подготовки к переброске в Иран, попал в жернова смутного времени. Начав службу в СССР, не ушел в девяностые из полуразвалившихся спецслужб. Может, не видел себя ни в какой другой профессии. Да и обидно было оставаться вечным лейтенантом запаса. Только потому, что он остался в системе, в 94-м «вспомнили» про Фардина, который уже начал терять надежду на встречу со связным. Вернее, он совершенно уверился в том, что его бросили на произвол судьбы. Забыли.

Это слово «забыли» висело над ним кувалдой на протяжении четырех лет. Он просыпался среди ночи, лежа на полу, на жестком матрасе в доме дяди, прислушивался к тяжелому дыханию бабушки и проклинал себя, что втянул ее в авантюру.

Чтобы окончательно не свихнуться, он окунулся с головой в работу, с помощью дяди устроившись лаборантом в Медицинский университет. Тогда же он получил дополнительное образование. Приходил домой поздно вечером, валился от усталости на свой матрас, но ночью снова просыпался. Над ним словно в колокол били: «Бросили, забыли!».

В те годы была еще возможность оставлять парольные знаки и даже тайниковые закладки в самом Иране. По плану Центра предполагалось, что в первые годы пребывания в Иране Фируз не сможет выезжать за границу, исходя из финансового положения и элементарной осторожности.

Фардин со свойственной ему настойчивостью выполнял все инструкции Центра. Но через год работы перестал получать отклик. Он не видел подтверждения тому, что его парольные знаки сняты, поэтому не делал тайниковых закладок. Очевидно, что их некому было забирать. И все же он продолжал.

Его действия напоминали действия моряка-подводника, чья лодка легла на грунт посредине Атлантического океана при неработающей рации. Оставалось только выстукивать разводным ключом по железному корпусу «SOS» в безумной надежде быть услышанным случайно проходящим мимо судном.

К счастью, Алексеев знал о залегшем на грунт нелегале. Только он и остался служить из тех, кто помнил о Фардине. Увидев знак, свидетельствующий, что его парольный знак сняли, Фардин разволновался настолько, что, вернувшись домой, расплакался.

Через полгода интенсивной тайниковой связи состоялась первая поездка Фардина за границу. В Стамбуле он встретился с тогда уже капитаном Алексеевым. С тех пор тайниковая связь свелась к нулю в Тегеране. Только изредка Фардин оставлял парольные знаки, свидетельствующие об его благополучии. Но на контакт Алексеев сам больше не приезжал, только связные. Затем Фардин узнал, что куратор у него уже другой человек.

Посылая Алексеева в Стамбул, Центр в последнюю очередь руководствовался тем, чтобы подбодрить этой встречей Фардина и вдохновить его на свершения. Тот контакт после длительной паузы требовалось провести с человеком, лично знающим разведчика, чтобы избежать подмены и удостовериться в подлинности личности, убедиться в его прежнем настрое на работу, лояльности и в том, что он не ведет двойную игру.

Новое появление Алексеева, спустя двадцать три года, встревожило Фардина.

Он уже передал Дмитрию книгу, в которой содержалась информация об исследованиях оборонной направленности в секретной секции, возглавляемой Омидом. Те крохи, что удалось извлечь из пьяных откровений и полупамеков шефа.

– Ну это довольно общие сведения, если я правильно понимаю, – покивал Алексеев. – Все будет гораздо детальнее, когда ты вернешься и станешь трудиться в этой секции. Как думаешь, что конкретно их заинтересовало в твоих разработках водорослей?

В очень светлой комнате с белыми стенами и черно-белыми фотографиями людей из африканских племен отчего-то казалось, что за окнами зима. То ли из-за кондиционера, который охлаждал воздух чересчур, то ли от «стерильного» света.

– Спирулина – очень полезная водоросль, – сел на своего конька Фардин, но строгий взгляд Алексеева поубавил энтузиазма. – Думаю, их интересует способность водоросли поглощать радиоактивный материал.

– И каково применение спирулины в данном контексте? – Алексеев выглядел озадаченным.

– Как мне кажется, тут возможны два направления для научных изысканий. Первое – создание препаратов на основе спирулины для тех, кто подвергается радиоактивному облучению, а второе – утилизация радиоактивных отходов.

– С помощью водорослей? – скривил лицо в скептической гримасе Алексеев. – Да ты фантазер! Одно очевидно – каким-то образом работа секции связана с ядерной программой Ирана. Предложение Омиды можно считать огромным шагом вперед.

– А проверка Камрана? Слежка здесь... Тебя не напрягают?

– Я бы не паниковал. Мы посмотрели за этими топтунами. Оба сотрудника одной иранской фирмы. По моим сведениям, эта фирма не связана с МИ. Нефтяная компания. Скорее всего, это частная инициатива твоего Камрана.

– Как это может быть «частной» инициативой?

– Если он не хочет обращать на тебя лишнее внимание, задействовав официальные каналы. Но и опростоволоситься не должен, опасается. Вдруг ты, вырвавшись в Каракас, развернешь бурную деятельность. Начнешь встречаться с резидентами различных разведок. Скажем с мосадовцами или церэушниками. Легкая проверка и страховочный вариант.

– Возможно, – кивнул Фардин. Он и сам пришел к тому же выводу. – А что за нефтяная компания?

– Еще при Чавесе начали бурить скважину в штате Ансоатеги. Работы тут непочатый край. Пояс реки Ориноко, битумнозные пески – залежи горючих сланцев – это клондайк. Переплюнули Саудовскую Аравию по запасам. У американцев на Ближнем Востоке не слишком-то ладится, им вот-вот надоест возня в Сирии, обратят свой алчный взор сюда. Уже обращают, начали тут воду мутить, – Алексеев подошел к столику у окна с дымчатой стеклянной столешницей и вырезанной из черного дерева африканской скульптурой воина с копьем в центре стола. На копье какой-то шутник повесил ключи.

– Чай, кофе? – предложил он. – Что ты такой напряженный?

– А что ты думаешь по поводу Симин?

– Ты в нее втюрился, – улыбнулся Алексеев, наливая чай.

– Как? Что это значит?

– Не прикидывайся, что ты настолько забыл русский. Влюбился ты в эту художницу – вот что это значит. Условия знакомства, ее разговоры... Не думаю, что она связана с Камраном хоть каким-то боком. Уж если говорить о принадлежности ее к спецслужбам, то это вероятнее всего МИ. Они работают активно по дискредитации оппозиции вне Ирана. Она в самом деле хорошая художница?

– По мне так мазня, люблю классическую живопись. Хотя, – Фардин вспомнил картину с быком, висевшую в его тегеранской квартире, – что-то есть в ее работах магнетическое.

– Очень хорошее прикрытие для ликвидатора, – Алексей сел к столу, хотя Фардин расположился довольно далеко от него, в кресле у журнального столика. Дмитрий взял чашку двумя руками и пил торопливыми глотками, словно в станционном кафе, опаздывая на поезд. Он тоже заметно волновался.

– Что за чепуха?!

– Ты разве не помнишь, в конце девяностых при Наджафабади разгорелся скандал по поводу ликвидации нескольких десятков журналистов, политиков из оппозиции? По лицу вижу, что вспомнил ту историю.

– Так то было внутри страны. А ты намекаешь, что она делает это за границей. Даже в страшном сне не могу представить, чтобы женщина, такая хрупкая...

– Не будь ребенком! – Алексей фыркнул чаем. – Женщинам, порой, гораздо проще войти в доверие, сократить дистанцию и – ампула в чай или небольшой укол. – Он замолчал. Алексей то и дело замолкал. Эти паузы выдавали его озабоченность. До главного он пока так и не дошел.

– Думаю, она в самом деле выполняет роль дезинформатора и... – Фардин нехотя добавил: – и провокатора. Встречается за границей с эмигрантами-диссидентами и пудрит им мозги.

– Может, и так, – согласился Алексей, хотя было заметно, что он остался при своем мнении насчет девушки. – Полагаю, сближение с ней нам как раз на руку.

– В каком смысле? – Фардин достал сигареты и, не спрашивая разрешения, закурил.

Алексей, наконец, оторвался от чашки и пересел поближе к Фардину.

– Водоросли, радиация, ядерная программа – это все хорошо и правильно. Но сейчас нам от тебя надо совсем другое. И потребуются более активные решительные действия. Тихая жизнь закончена.

– Митя, ты изменился, – скорбно сказал Фардин. – Когда мы с тобой обитали на той конспиративной даче в Подмоскowie... Помнишь? Ты был как-то добрее. Или потому что на тебе лежало меньше ответственности, чем теперь? Приходится посылать людей на смерть, поэтому превратился в циника?

– Ты всегда был паничным, – вздохнул Алексей, догадываясь, что легкой прогулки в отношении Фардина не будет.

Этому иранцу родом из СССР, сыну и внуку нелегальных разведчиков, нужна сильная мотивация и железные доводы. Он любит все просчитывать и не станет бессмысленно рисковать. Фардин не из тех, кто бросится на амбразуры за други своя. Он бросится, но найдет потайную тропинку, чтобы обойти ДЗОТ противника с тыла, и без ущерба для себя, ткнет противника по темечку чем-нибудь тяжелым. Это может выглядеть не столь героично, не так романтично, зато не менее эффективно.

Однако есть ситуация, когда только ты и амбразура, и никаких запасных вариантов. Фардин не выносил такую безальтернативность, избегал ее всячески. Это Алексей уяснил еще в конце восьмидесятых, когда много времени проводил с персом, изучал его, до сих пор помнил проводимые с Фардином психологические тесты. Изобретательность, изворотливость, чутье на опасность – Фардин обладал этими качествами уже в юные годы.

– Ты не жил в Иране, тебе не понять! – вздохнул Фардин. – Нет, там не так уж плохо, при одном маленьком условии. Если ты не шпион. Кроме того, решительные действия подразумевают быструю связь. Каким образом Центр собирается ее осуществлять?

– Тебя только это волнует? – улыбнулся Алексей. – Это обнадеживает.

– Напрасно. Не обольщайся, – не оценил примирительную интонацию Фардин. – Если бы меня за шпионаж просто казнили, я бы, возможно, отнесся к этому философски, но сразу ведь не прикончат. К примеру, школьников, торгующих наркотиками сажают, чтобы подождать совершеннолетия и казнить. Как это тебе?

– Гуманненько, – улыбка Алексева потускнела. – С тобой, разумеется, обойдутся гораздо хуже. В качестве оправдания может послужить только одно. В данном случае ты, в общем, будешь действовать в пользу Ирана.

Фардин склонил голову к плечу, пытаясь сообразить, к чему ведет Алексеев.

– Раз это не связано с моей научной деятельностью и работа предстоит в режиме цейтнота – это либо терроризм, либо политика. Помню, в две тысячи девятом году выборы сопровождались демонстрациями и беспорядками. Но сейчас выборов не планируется.

– А ты за кого голосовал? Часом не за Мир-Хосейна Мусави?

– За Ахмадинежада, – отрезал Фардин, не понимая, почему Алексеев ходит вокруг да около. Это приводило иранца в еще большую панику. Про себя он решил, что в Тегеран не вернется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.